

Н.А. СОМОВА

*(Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия)*

УДК 821.161.1-3(Пришвин М. М.)

ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,44

ЧЕРТЫ ПРИТЧИ В ЛИРИЧЕСКИХ МИНИАТЮРАХ М.М. ПРИШВИНА

Аннотация. В статье анализируется притчевость лирических миниатюр М.М. Пришвина, входящих в его итоговую книгу «Глаза земли». Определяется жанровая модель притчи, ее структурные компоненты. Прослеживается трансформация древнейшего жанра притчи в литературную притчу: исследуется участие архаической семантики (притч из Священного писания, являющих собой образец нравственного закона, премудрости и назидания) в процессе постижения Пришвиным мудрости бытия; раскрывается взаимосвязь земного и небесного, «дольнего» и «горнего», человеческой и природной жизни. На основе данных параллелей делается попытка выявить иносказательный смысл четырех пришвинских миниатюр («Тихий снег», «Восхищенный человек», «Цвет и звук», «Усталость»), объединенных многозначным образом «тишины». Этот образ в первых двух миниатюрах олицетворяет собой «благодетельный» смысл понимания жизни «восхищенным» человеком, которому открыта красота мироздания. В следующих миниатюрах «тишина», наполняющаяся звуками расцветающей земли, показывает единство природы и человека, возможность постижения человеком Истины бытия.

Ключевые слова: лирические миниатюры, притчи, Священное писание, мудрость, русская литература, архаическая семантика.

М.М. Пришвин показал нам мир взаимоотношений человека и природы, ту теснейшую связь между ними, которая воспитала человеческую душу, и тем самым, позволила природе-матери надеяться на человека как своего мудрого защитника: «Реализм, которым занимаюсь я, есть видение души человека в образах природы» [Пришвин 1985: 451].

Свет, наполняющий рассказы Пришвина, обращен к читателю вне зависимости от его возраста: он приглашает к беседе, он ничем не может оттолкнуть или ранить, он показывает любовь автора к

человеку и природе. И этот свет у Пришвина-художника с помощью поэтического слова переходит в цвет, открывая нам «синюю тишину»: «...шел по дороге, опустив глаза. Но в лужице увидел лес, и на голубом деревья высились так прекрасно. Да откуда же такое прекрасное взялось? Посмотрел – и увидел небо. Так и мое искусство, друзья, не больше лужицы, в которую из-за нашей спины смотрится невидимый нам весь человек с природой своей, небом, деревьями, водами, и я пишу вам только, чтобы вы обратили внимание» [Пришвин 1985: 453].

На протяжении полувека Пришвин делал записи и вел дневники. В них он раскрывал свои мысли о времени и событиях, свидетелем которых он был. Из его дневников вышли художественные произведения, наиболее известные из которых, «Фацелия» (1940), «Лесная капель» (1943), «Глаза земли» (1957). Итоговая книга Пришвина «Глаза земли», написанная по его дневникам 40-50-х годов XX века, автобиографична. Исследователи, изучающие творчество М. Пришвина, отмечают афористический и притчевый характер этого произведения. Так, С.Г. Семенова в работе «Сердечная мысль Михаила Пришвина» отмечает, что его «...мысль сгущена до афоризма и притчи» [Семенова 1989: 391]. Сам М.М. Пришвин в дневнике за 1940-й год пишет: «Я не первый, конечно, создатель этой формы, как не я создавал форму новеллы, романа или поэмы, но я приспособил ее к своей личности, и форма маленьких записей в дневник стала, быть может, лучше, чем всякая другая моя форма» [Пришвин 2005: 40]. Эта художественная форма позволяет сконцентрировать мысль, чтобы вобрать то главное, что хотел передать автор своему читателю. Каждое живое и неживое природное существо воспринимается им как отдельная индивидуальная личность и подтягивается до человеческого уровня, высшим состоянием которого является духовная свобода. Приведем цитату М. Пришвина из его дневника, датированного 21 июня 1944 года: «Все законы в мире – это законы необходимости (смерти), а для свободы нет закона, для личности свободной и сама смерть не закон» [Пришвин 2013: 5].

О философском характере литературного наследия М. Пришвина и притчевости его творчества пишет А.М. Подоксенов. По мнению ученого М. Пришвин, осмысляя сложности своего времени, преломляет их через призму мировой традиции, обращаясь к «...библейским притчам, образам и символам, использование которых позволило ему сопоставить сиюминутные проблемы художественного бытия своих героев с вечными истинами человеческого бытия...»

[Подоксенов 2013]. Считая, что истинный талант писателя заключается в его способности дать ответ на сложные жизненные вопросы, Подоксенов так характеризует творчество Пришвина: «...за бытием его персонажей и героев зачастую скрываются «метафизические» смыслы, повествование его многопланово и зачастую насыщено множеством философских концептов» [Подоксенов 2013].

Притчевый характер своих миниатюр отмечает и сам Пришвин. В дневнике за 1952 год читаем: «Говорили о восточном происхождении моей “мелкой” по внешности и глубокой по содержанию формы. Еще говорили <...> о народных притчах, об Евангелии и что эту форму ближе к правде, надо бы назвать притчами» [Пришвин 1990: 210].

Методологической основой наших наблюдений стали работы С.С. Аверинцева, В.И. Тюпы. С.С. Аверинцев так определяет притчу: «Притча, дидактико-аллегорический жанр литературы <...> с содержательной стороны отличается тяготением к глубинной премудрости религиозного или моралистического порядка» [Аверинцев 1987: 305]. Подробному анализу жанровой модели притчи посвящена статья В.И. Тюпы «Грани и границы притчи», где ученый выделяет притчу как особый дискурс, которому присущи следующие черты: 1) повествовательность; 2) первичность устной формы высказывания; 3) иносказательность; 4) назидательность, дидактичность; 5) продуктивность – дальнейшее развитие в иных жанровых формах. Выделяя в риторике притчи наличие а) субъекта дискурсии (говорящего), б) ее адресата и в) объекта (персонажа), Тюпа в коммуникативной компетенции говорящего выделяет наличие «...у него убеждения, организующего дискурс такого рода» [Тюпа 1999: 382]. Коммуникативную компетенцию адресата притчи автор статьи называет «регулятивной», то есть, требующей истолкования и извлечения для себя из притчи некоего урока. Это позволяет выделить шестую особенность притчевого дискурса – активизацию воспринимающего сознания.

Что касается персонажа, то он, по мнению Тюпы, осуществляет нравственный выбор, следуя некоему вечному нравственному закону, который и составляет «премудрость» назидания [Тюпа 1999: 384]. Отсюда следует, что риторика притчи – это риторика «учительного» слова, разделяющая «...участников коммуникативного события на поучающего и поучаемого» и представляющая собой монолог, «направленный от одного сознания к другому» [Тюпа 1999: 386]. Для нас важно замечание ученого о том, что притча «выступает

инвариантным ядром иных, сугубо литературных жанровых образований», что приводит к ее трансформации и модификации [Тюпа 2014: 34].

Появление притчи как протожанра в русской литературе связано с переводами Священного Писания, где она представляет собой либо притчу-сентенцию (таковы притчи Соломоновы в Ветхом Завете), либо притчу-наррацию (к таким относятся новозаветные притчи Иисуса). Основными ее чертами, как речевого жанра, были назидательность и иносказательность. В дальнейшем притча из религиозных книг и народных сказаний перешла в литературу. В словаре актуальных терминов и понятий мы находим такое определение притчи, данное Н.Д. Тамарченко: «Притча – один из малых эпических жанров переходной – от фольклора к литературе природы – иносказательная история о случае, представляющем собою не странный казус, а наглядный пример всеобщей закономерности, которой, согласно притчи, необходимо следовать» [Тамарченко 2008: 187]. В структуре притчи исследователь выделяет два плана изображения: конкретный и универсальный, являющиеся самостоятельными и равноправными. Сравнение двух планов притчи – поступка или судьбы персонажа и ее оценки рассказчиком в свете этических норм – Тамарченко называет семантическим ядром этого жанра. По его мнению, различаются «большие» и «малые» притчи, представляющие, в первом случае, развернутое повествование о каких-либо событиях и краткое сравнение, во втором, напоминающее пословицу и часто приводящееся для иллюстрации мысли в рассуждении. Промежуточный (центральный) вариант притчи более всего напоминает «параболу»: рассказ начинается и заканчивается одним предметом, удаляясь в сторону по кривой в середине повествования [Тамарченко 2008: 187].

К такому варианту притчи-параболы можно отнести миниатюру М.М. Пришвина «Тихий снег» из книги «Глаза земли»:

Говорят о тишине: «Тише воды, ниже травы». Но что может быть тише падающего снега! Вчера весь день падал снег, и как будто это он с небес принес тишину.

Этот целомудренный снег в целомудренном мартовском свете младенческой пухлотой своей создавал такую обнимающую все живое и мертвое тишину. И всякий звук только усиливал ее: петух заорал, ворона звала, дятел барабанил, сойка пела всеми голосами, но тишина от всего этого росла.

Какая тишина, какая благодать, как будто чувствуешь сам благодетельный рост своего понимания жизни, прикосновение к такой высоте, где не бывает ветров, не проходит тишина [Пришвин 1985: 230].

В этой миниатюре, рассматриваемой с точки зрения литературной притчи, очевидны два плана: конкретный и универсальный. Конкретный план рисует картину тихо падающего снега, создающего такую тишину, на фоне которой усиливается любой звук. Универсальный план рождается в нашем понимании после многократного прочтения данной миниатюры. Автор в нем сравнивает с «*тишиной*» душевное состояние человека, который достиг «*своего понимания жизни*», прикоснулся «*к такой высоте*», на которой все незначительное уже не нарушает этого состояния. Два вышеописанных плана – равноправны и самостоятельны. Раскрытие универсального плана происходит через сопоставление «*тишины*» земной и небесной, в котором объединяющим началом выступает «*снег*»: «*...как будто это он с небес принес тишину*». Семантическое пересечение значений слова «*снег*», как природного явления, с одной стороны, и как посланника небес нравственной чистоты, с другой, доказывают его метафорические образы: «*целомудренный снег*», «*младенческой пухлотой*». При анализе современной литературной притчи, необходимо отталкиваться от архетипа древней притчи. Согласно С.С. Аверинцеву, рассмотрим миниатюру М. Пришвина с опорой на ветхозаветную притчу, сопоставляющую в себе «горный» мир, небесное пространство Бога и Духа, и мир «дольный» – земной. Нам представляется, что образ «небесной тишины» рожден опорой на притчу царя Соломона. Аллюзию к этому образу можно найти в «Книге притчей Соломоновых»: «Господь премудростью основал землю, небеса утвердил разумом; Его премудростью разверзлись бездны, и облака кропят росой» [Соломон 2010: 597]. «Роса», посылаемая небесами, основанными разумом Премудрого, несет в себе образ чистоты и целомудренности. Пришвин, трансформируя древнюю притчу, модифицирует ее смысл своим субъективным миропониманием. Небесная «*тишина*», которую снег принес на землю, наполняет душу автора «*благодатью*». А это значит, что ему открывается «*благодетельный*» – посланный свыше, не земной – смысл «*понимания*» своей «*жизни*». Благодаря «*целомудренному снегу*» он прикасается к миру «горнему»: «*такой высоте, где не бывает ветров и не проходит тишина*».

Обращение к притчам Соломона при анализе произведений Пришвина не случайно. В миниатюре «Песнь Песней» М.М. Пришвина, входящей в книгу «Глаза земли» читаем следующее: «...думал о царе Соломоне как о величайшем писателе» [Пришвин 1985: 270]. Доказательством сравнения миниатюры «Тихий снег» с притчей – пораболой является то, что миниатюра начинается и заканчивается дефиницией «*тишина*». В середине миниатюры повествование уходит в сторону, сопоставляя снова два плана: тишина земли, усиливающая звуки природы и «*тишина*», обнимающая «*все живое и мертвое*», как мудрость человека, постигшего Истину.

Продолжение этой темы можно увидеть в пришвинской миниатюре «Восхищенный человек», также входящей в книгу «Глаза земли»:

Зорька нежнее щечки младенца, и в тиши неслышно падает и тукает редко и мерно капля на балконе... Из глубины души встает и выходит восхищенный человек с приветствием пролетающей птичке: «Здравствуй, дорогая!» И она ему отвечает.

Она всех приветствует, но понимает приветствие птички только человек восхищенный [Пришвин 1985: 233].

Образ «Зорьки» в этой иносказательной истории отождествляется не только с началом нового дня, но и с «озарением» субъекта дискурсии. «Зорька» как бы рассеивает тьму его сознания, открывая выход его «восхищенной» душе. «Восхищенный человек» – это человек, славящий свое бытие. Ему открыта красота мироздания. Эта красота мироздания, как «*тихий снег*» и «*роса*» Соломона, являются образами, создающими «восхищенного человека». Только избранные способны понять природу – это люди с особой душой, способной к сотворчеству. Иносказательность этой миниатюры заключается в том, что сопоставление образа «зорьки» со щечкой младенца показывает чистоту души «озаренного» человека, способной возвысится до «Абсолютной» высоты. «Пролетающая птичка» в данной миниатюре, как и «целомудренный снег» в предыдущей, или «роса» в притче Соломона являются аллегорическим образом того «посланника» небес, который принес «*тишину*» человеку. Этот человек смог подняться на такой уровень в своем развитии, когда «капля», олицетворяющая быстротечность бытия, не способна нарушить «*тишину*» его внутреннего мира.

Гимн мирозданию, который «поет» Пришвин в книге «Глаза земли» ощутим в миниатюре «Цвет и звук»:

Тишина звучная, не знаешь, куда лучше смотреть – в себя или на березки в малиновом свете, не знаешь, что лучше слушать, – себя или птичек...

В эту зарю все так было в небесных цветах, так согласно высвистывали свои сигналы певчие дрозды, что как будто из переходящего цвета зари и родился звук певчих птиц [Пришвин 1985: 233].

Мы вновь встречаемся с образом «тишины», но здесь она иная – «звучная». Весеннее преображение природы создает оркестр звуков, как внутри человека, так и вовне: «...так согласно высвистывали свои сигналы певчие дрозды». В данной миниатюре «тишина», олицетворяющая собою мудрость, смысл «понимания» жизни, уже не приходит автору свыше – она находится в его душе. Метафизичность универсального плана подчеркивается метафорами: «небесные цветы», «сигналы певчих дроздов». Следующие слова: «...не знаешь, куда лучше смотреть – в себя или на березки в малиновом свете, не знаешь, что лучше слушать, – себя или птичек...» – показывают воспринимающему сознанию этот закономерный параллелизм, который автор преподносит в качестве своего убеждения, и который воочию демонстрирует сопоставление конкретного и универсального плана данной притчи-миниатюры. Смысл миниатюры, сжатый до нескольких строк, способен передать главную мысль автора о всеединстве небесного и земного. Это проявлено пришвинским переходом света в цвет и, далее, переходом «цвета зари» в «звук певчих птиц». Посреди этого единения находится человек, постигший премудрость.

Тема всеединства – объединение небесного и земного, сиюминутного и вечного – составляет смысл миниатюры, озаглавленной «Усталость»:

Шел в лесу долго и, вероятно, стал уставать: мысли мои стали снижаться и уходить из лесу домой.

Но вдруг я почувствовал себя внезапно радостным и возвышенным, глянул вокруг и увидел, что это лес стал высоким и стройные прекрасные деревья своим устремлением вверх поднимали меня [Пришвин 1985: 235].

Семантическим ядром данной миниатюры является аллегорическое восприятие природы, как источника вдохновения, актуализирующего творческое начало субъекта дискурсии. Это творческое начало, соприродное Первотворцу, направлено на достижение человеком состояния «благодати», при котором он

становится частью мироздания. Древний исток этого смысла раскрывается в следующих словах из притч Соломоновых:

«Блажен человек, который снискал мудрость ...» [Соломон 2010: 597].

«Путь жизни мудрого вверх, чтобы уклониться от преисподней внизу» [Соломон 2010: 606].

Когда «долго» идешь праведным путем к постижению «Истины», кажется, что путь этот труден и бесконечен. Отказ от многих земных удовольствий и страстей приводит к «усталости» и сомнению: «...мысли мои стали снижаться и уходить из лесу домой». В этих словах субъекта дискурсии обнаруживается начинающееся сомнение в правильности выбранного пути. Однако, та мудрость, которую он обретает в процессе своей душевной эволюции, поддерживает его, не дает ему «упасть» и поднимает его вверх:

«...стройные прекрасные деревья своим устремлением вверх поднимали меня».

Рассмотренные нами миниатюры М. Пришвина включают в себя два плана изображения: небесный и земной. Однако, эта оппозиция в каждом случае наполняется разным содержанием. В первой миниатюре автор, при сопоставлении двух обозначенных планов, преподносит смысл несуетного понимания жизни душой, постигшей «тишину». Во второй миниатюре Пришвин показывает, как «тишина» души позволяет выйти наружу «восхищенному человеку». Третья миниатюра говорит о «звучной тишине» расцветающей земли, о переходе цвета в звук и о единстве природы и человека. Последняя миниатюра показывает возможность достижения человеком Истины, посредством обретения мудрости.

ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев С.С. Притча // Лит. энцикл. словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 305.

Подоксенов А. Михаил Пришвин: философско-мировоззренческие контексты творчества. // Журнальный клуб Интелрос «CredoNew» №4, 2013. URL [электронный ресурс]: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/k4-2013/21496-mihail-prishvin-filosofsko-mirovozzrencheskie-konteksty-tvorchestva.html

Пришвин М.М. Глаза земли. // Зеркало человека. М.: Правда, 1985. С. 230-453.

Пришвин М.М. Пришвина В.Д. Мы с тобой. (Дневник любви). Спб.: Росток, 2005. С. 40.

Пришвин М.М. Дневники 1905-1947. М.: Новый хронограф, 2013. С. 5.

Пришвин о Розанове. Публикация В. Ю. Гришина и Л. А. Рязановой // М.: Контекст-1990. С. 210.

Семенова С.Г. «Сердечная мысль» Михаила Пришвина. // Семенова С.Г. Преодоление трагедии: «Вечные вопросы» в литературе. М.: Советский писатель, 1989. С. 391.

Соломон. Книга притчей Соломоновых // Библия. М.: Российское библейское общество, 2010. С. 596, 597.

Тамарченко Н.Д. Притча. // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 187.

Тюпа В.И. Грани и границы притчи. // Традиция и литературный процесс. Новосибирск: изд-во СОАН, 1999 г. С. 382-386.

Тюпа В.И. Нарративная стратегия притчи в литературной традиции. // Притча в русской словесности: от Средневековья к современности: коллективная монография; Ин-т филологии СО РАН. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2014. С. 34.

Статья рекомендована д.ф.н., проф. Н.П. Хрящевой.